

Годы боевые...

Как я стал милиционером

Прошло всего два месяца после Великого Октября. В Петрограде, где я тогда жил, мне довелось видеть своими глазами, как совершалась революция.

А из родного села Загорье, что находилось во Владимирской губернии, писали: у нас в глуши всё пока остаётся по-старому. Сельскими делами, как ни в чём не бывало, заправляют помещики, урядники и поп.

И вот спешу домой, чтобы вместе с земляками-крестьянами участвовать в строительстве новой жизни.

В марте 1918 года на волостном сходе были выбраны Совет и комитет бедноты. Меня избрали секретарём комбеда.

Полные делами, летели дни. В ту пору борьба за хлеб была борьбой за жизнь страны. Зная это, кулаки прятали хлеб, срывали продразвёрстку, хотели голодом задушить революцию. Целыми неделями приходилось пропадать в деревнях по делам, связанным с продразвёрсткой.

Возвращаюсь как-то в село, а навстречу посыльный?

— Поспеши, — говорит, — ждут тебя не дождутся в комбеде.

— Вот какое дело, — без предисловия обращается ко мне председатель товарищ Плеханов, — хотим выделить тебя волостным милиционером.

Я стал отказываться. Не справлюсь, мол, дело новое, незнакомое.

— Должен справиться, — строго перебил меня Плеханов. — А что не приходилось милиционером служить, это, брат, мы и без тебя знаем. Ведь и милиции у нас раньше не было.

В первое воскресенье Совет созвал волостной сход, где меня избрали милиционером. В военном комиссариате получил винтовку, а в «наследство» от урядника — седло. Правда, седло оказалось ни к чему — лошади всё равно не было. И рассчитывать, что мне её в скором времени выделят, не приходилось.

Начальник уездной милиции Василии Иванович Марков подробно разъяснил мне обязанности, сказал, чем я должен руководствоваться. Как сейчас помню его слова: «Руководствуйся, товарищ Жуков, революционной совестью и пролетарским самосознанием — не ошибёшься».

«Гипнотизёр» из Васильцово

В деревне Даратники, расположенной километрах в шести от волостного центра, и ближайших к нему селениях одно время участились кражи. Буквально не проходило ночи без происшествий. То здесь, то там взламывались сараи, грабили амбары, забирали хлеб и имущество крестьян. И вот что любопытно: часть похищенного иногда находили с помощью некоего Савина, уроженца села Васильцово, который выдавал себя за гипнотизёра. Он «отгадывал» (конечно, не бескорыстно), где спрятаны украденные вещи. Правда, ничего ценного в указанных им местах обнаружить не удавалось, но тем не менее слава «гипнотизёра» росла.

А мне вот никак не удавалось напасть даже на след преступников! «Уж не сходить ли самому к „гипнотизёру“, чтобы посодействовал отыскать воров?» Признаюсь, эта мысль не раз приходила мне в голову.

Однако решил всё-таки попросить совета у волостного военного комиссара Николая Петровича Ежова (позже он ушёл на фронт и героически погиб).

— Эх, молодо-зелено, — засмеялся он. — И надо же такое выдумать! Иди лучше к нашим людям, фронтовикам, бедноте — они твоя опора. А к «гипнотизёру» внимательно приглядеться нужно, думается, у него самого рыльце в пушку...

В селе Васильцово жил вернувшийся с фронта солдат Гушин. Он охотно взялся мне помочь, пригласил ещё двух товарищей. Стали мы прикидывать, и верно, со всех сторон нити вели к Савину. Решили последить за ним. Две ночи вчетвером просидели мы в засаде напротив дома «гипнотизёра». Остались в засаде и на третью ночь.

...Темень такая, хоть глаз выколи. Лишь редкий собачий лай нарушал тишину. Вдвур слышим, напротив раздаются лёгкие шаги, потом доносится скрип двери. В доме Савина ненадолго зажигается свет. Вскоре он снова гаснет, слышно, как оттуда выходят люди. Мы не покидаем своего поста. Час, другой, и опять кто-то идёт к дому — на этот раз тяжело, грузно.

На рассвете, собрав человек двадцать из тех, кого знал Гушин, мы открыто направляемся к «гипнотизёру». Сопротивляться он не может — силы неравные. Начинаем обыск и сразу же обнаруживаем украденные мешки с зерном. Савина и его подручных арестовываем и отправляем в уездный центр...

Первое успешное дело. Надо и дальше смелее обращаться за помощью к народу!

Вместе с товарищами

Силы милиции в уезде были тогда малочисленны и к тому же разбросаны по волостям. Но если требовалось, действовали мы совместно. И не только в своём уезде, но в соседних губерниях. Поблизости от Загорья сходились границы Тверской, Ярославской, Московской и Владимирской губерний. «Петух запоёт — в четырёх губерниях слышно», — шутили крестьяне.

Зимой 1919 года участились бандитские налёты с насилием, убийствами. Нам, милиционерам на местах, трудно было в одиночку бороться с преступниками, уж больно ловко заматали они свои следы.

Однажды меня срочно вызвал начальник районной милиции Вагин (уезд делился тогда на районы, в каждый из них входило несколько волостей).

— Вчера в деревне Андрианово, — сказал Вагин, — милиция задержала некоего Хренова, по-видимому, крупного спекулянта. А ночью он, сломав оконную решётку, бежал. В наших руках остались доха и документы преступника. Среди документов записка на имя гражданки Кошелёвой, проживающей в селе Высокое, Ярославской губернии. Отправляйтесь-ка туда и постарайтесь разузнать обстановку, помочь местным товарищам...

Пешком по занесённым снегом дорогам добрался я поздним вечером до Высокого. Через сельский Совет и комитет бедноты связался с крестьянами. Один из них — сосед Кошелёвой — согласился разузнать, что удастся. Наутро он сообщил: «К Кошелёвой приехал „жених“, которого по дороге ограбили, отняли деньги и шубу».

Многое говорило о том, что это и был Хренов. Через местных жителей выясняю, что «жених» не первый раз бывал в Высоком, у него здесь дружки — сынки из богатых.

Решил отправиться за подмогой. Следующим утром вместе с милиционерами ближайших волостей Синицыным и Титовым мы вернулись в Высокое.

— Ночью из дома Кошелёвой перетащили много вещей, — рассказали нам крестьяне. — Сейчас они у Соковнина, сына торговца.

Пошли туда. Дверь избы оказалась не запертой — видно, хозяева ничего не подозревали. Пробегаем сени, вот вход в горницу. Тут несколько человек, среди них Хренов — здоровенный детина, косая сажень в плечах, — сразу узнаю его по приметам.

Командую: «Руки вверх!»

В ответ раздаётся выстрел... Это Хренов стреляет в Синицына. Мимо! Сразу же бросается вперёд Титов, выбивает «наган» из рук преступника, хватает его и прижимает к полу. Мы задерживаем остальных...

Оказывается, Хренов был не только спекулянтом, но и главарём бандитской шайки, которую мы давно разыскивали!

Через несколько дней из города Кашина Тверской губернии приходит сообщение о том, что Хренов орудовал и там; убивал, грабил...

Кулацкий мятеж подавлен

Девятнадцатый год был одним из самых трудных на фронтах гражданской войны. Со всех сторон лезли враги на молодую Советскую республику. Оживилась контрреволюция в тылу. В наших местах тоже зашевелились кулаки, особенно в соседнем Угличском уезде.

...Помню, это было летом. Возвращаюсь я из уездного центра, а навстречу бегут ребята:

— Дядя, не ходите дальше!

— А в чём дело, хлопцы?

— Совет разогнали. Из Углича пришёл какой-то отряд. Магницкий там.

Магницкий — бывший штабс-капитан, признанный глава местных кулаков. Мне и раньше казалось — он что-то затевает, но прямых улик не было. Значит, проглядели...

Огородами пробрался к центру села, где в двухэтажном доме помещался волостной Совет. Да, сомнений нет — здесь вооружённые люди, среди них загорьевские кулаки. Надо быстрее действовать. Тут уж не до осторожности!

Поднялся в рост и бегом — на дорогу к Нагорью, районному центру. Меня заметили, стали преследовать, но рядом лес, а в лесу и погоня не страшна.

Из Нагорья сообщил о мятеже в уезд.

— Направляем красноармейский отряд. Встречайте его на лесопильном заводе! — приказывает начальник милиции.

Ночью встретил отряд. Без передышки продолжаем путь. Чем ближе к Загорью, тем больше проясняется обстановка. Из Угличского уезда к нам проникла вооружённая кулацкая банда, в неё вступили местные богатеи. Они собираются идти к Сольбинской коммуне...

Эта коммуна — километрах в пяти от Загорья. Организовали её московский рабочий коммунист Павлов и крестьянин-бедняк Петухов на базе бывшего монастыря. Первая коммуна — гордость уезда. И наш отряд торопится: во что бы то ни стало надо опередить мятежников.

На рассвете вступаем в Загорье. Кулацкая банда, у которой не было поддержки населения, отступает в Угличский уезд... Там её и добиваем.

Над волостным Советом снова гордо реет красный флаг, напоминая, что никаким контрреволюционерам не сломить власть трудового народа.

«Спасибо милиции...»

В те боевые годы наша милиция принимала самое живое участие в борьбе за хлеб, которого было мало в стране, истощённой войной и иностранной военной интервенцией. Мы, местные работники, хорошо помнили слова В. И. Ленина о том, что в основе всего строительства социализма лежит теперь продовольственный вопрос.

Хлеб прятали кулаки, перекупали спекулянты; его приходилось брать силой. Милиция действовала вместе с продотрядами из рабочих, вместе с крестьянской беднотой.

Это была ожесточённая борьба, в которой мы несли серьёзные потери. Летом 1919 года, например, стало известно, что в нашем районе появилась группа спекулянтов. Милиционер Василий Афанасьевич Натурин — солдат, вернувшийся с фронта после ранения, стал их преследовать. Другого выхода не было: ждать помощи — значило упустить преступников. И Натурин в одиночку боролся со спекулянтами, пока те не убили его.

Помнится, однажды пришлось отбирать по подразвёрстке спрятанный кулаками хлеб в селе Хмельники нашего уезда. Это село было известно, как один из центров кулацкого засилья. Местным богатеям удалось подчинить своему влиянию даже часть бедноты. Поэтому сюда вместе с представителями волисполкома выехал отряд милиции в пятнадцать человек.

Село встретило отряд настороженно. Люди неохотно собирались на сход, многие смотрели на нас исподлобья. И едва зашла речь о подразвёрстке, кулаки, стоявшие впереди всех, закричали:

— Нет хлеба!

— Сами голодаем...

— Возвращайтесь-ка до дому, пока целы!

Применять силу было нельзя, это значило озлобить крестьянскую массу, подавшауюся на кулацкую агитацию. Пришлось вернуться ни с чем.

Начальником уездной милиции в ту пору был Игнатий Петрович Долинин, матрос-рабочий, член Коммунистической партии с 1917 года. Человек политически грамотный, он сразу же правильно оценил обстановку:

— Надо оживить работу комбеда в Хмельниках, опереться на бедноту. Без этого сломить сопротивление кулаков трудно...

Уездный комитет партии и Совет приняли меры со своей стороны. Вскоре положение в селе резко изменилось. Когда отряд милиции приехал туда вторично, у нас оказалось много добровольных помощников из местных крестьян, уже не боявшихся кулацкой мести.

...Заходим в дом одного из сельских богатеев. Жена кулака жалобно причитает, пряча глаза:

— Нету хлебушка, откуда он у нас...

Но мы от комбедовцев уже знали, что хлеб спрятан в яме под сараем. Идём прямо туда. Здесь хозяин, этакий дородный мужик в два обхвата, вступает с нами в разговор.

— Сарай пустой, товарищи-граждане, — умильно говорит он. — Только сено тут держим.

Вскрыли пол. Земля утрамбована, засыпана сенной трухой — словно и в самом деле ничего нет. Отрыли полметра, метр... Кулак зло ругается, глядит волком — куда девалась лицемерная улыбка! И вот открывается яма, заставленная ящиками. В них чистое золотое зерно — десятки пудов хлеба.

Так было в других кулацких домах. С помощью крестьянской бедноты мы обнаруживали хлеб то возле риги, то на потолке, то под двойным полом...

Целый обоз с зерном, спрятанным кулаками, получила страна из села Хмельники.

— Спасибо милиции! — говорили работники Совета, принимая хлеб.

Сколько таких примеров было в нашей работе! Обо всём не расскажешь. Много лет прошло после этих событий. Год от года росла, крепла советская милиция, закалялись её кадры. В истории милиции записано немало славных страниц. И всё же, вспоминая свою многолетнюю службу, беседуя с молодёжью, невольно обращаешься к первым годам нашей милиции. В очень важных для Советского государства делах зарождались тогда её лучшие традиции: беспредельная верность Коммунистической партии и советскому народу, смелость и находчивость, тесная связь с трудящимися.

Нам, ветеранам, радостно видеть, что эти традиции советской милиции живут и приумножаются.

М. Жуков, полковник милиции в отставке, г. Рязань.